

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИОГРАФИЯ ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ

■ **МАСШТАБ ЛИЧНОСТИ**

Борис ТЕНЕНБАУМ

ВЕЛИКИЙ
ЧЕРЧИЛЛЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
БИОГРАФИЯ

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2023

УДК 929(410)
ББК 63.3(4Вел)6-8
Т 33

Фотография на обложке:
Keystone-France / Gamma-Keystone / Gettyimages.ru

Тененбаум, Борис.

Т 33 Великий Черчилль : иллюстрированная биография / Борис Тененбаум. —
Москва : Яуза-пресс, 2023. — 480 с.

ISBN 978-5-9955-1097-0

Эта книга — лучшая иллюстрированная биография сэра Уинстона Черчилля, самого известного британского политика в истории, крупнейшего государственного деятеля XX века, величайшего гроссмейстера игры на «мировой шахматной доске». Издание иллюстрировано эксклюзивными фотографиями.

929(410)
ББК 63.3(4Вел)6-8

ISBN 978-5-9955-1097-0

© Тененбаум Б. (наследники), 2023
© ООО «Яуза-пресс», 2023

Молодой человек со сложными семейными обстоятельствами (1874—1900)

Winston Churchill

— I —

20 июля 1900 года пассажирское судно «Dunottar Castle», прибывшее из Южной Африки в Англию, в Саутхэмптон, доставило в числе прочих и молодого человека, который страшно торопился. Поэтому он и выбрал именно «Dunottar Castle» — «Замок Даннотар». Пароходная линия «Castle Line» благодаря этому судну срезала время пути от Кейптауна до Саутхэмптона с 42 дней до 17 дней и 20 часов, а у молодого человека каждый час был на счету.

Он боялся опоздать — его кандидатура была выставлена на выборах в парламент в округе Олдхэм, куда он немедленно и отправился. 25 июля он произнес там пылкую предвыборную речь перед 10 тысячами своих потенциальных избирателей, а на следующий день выступил с еще одной речью, на этот раз — в Королевском театре Олдхэма. Принимали его замечательно, с шумом и аплодисментами. Увы, матушки молодого человека в зале не было — она собиралась замуж, и свадьба была назначена на 27 июля, так что выкроить времени на то, чтобы приехать и послушать речь сына, она никак не могла.

27 июля 1900 года леди Черчилль, вдова лорда Рэндольфа Черчилля — матушка нашего героя — обвенчалась с капитаном полка шотландских гвардейцев по имени Джордж Корнуэллис-Уэст.

Отважный капитан был старше ее сына, Уинстона Черчилля — который родился в 1874 году, 30 ноября, — всего на 16 дней. Это нуждается в некоторых комментариях.

Джордж Корнуэллис-Уэст. 1912 г.

Winston Churchill

Уинстон Черчилль

Лорд Рэндольф Спенсер
Черчилль

Наверное, наиболее точным определением леди Черчилль было бы «веселая вдова» — в духе оперетты Ференца Легара, которая так и называлась. Беда была только в том, что в 1900 году до написания оперетты оставалось еще 5 лет, и если «вдовой»

леди Дженни Черчилль стала относительно недавно, то «веселой» ее можно было называть с полными на то основаниями уже добрых 20 лет.

Свои золотые женские годы она проводила довольно весело. По крайней мере, отцовство ее второго сына, Джона, приписывали вовсе не официальному супругу, лорду Рэндольфу, а ее «близкому другу», виконту Фэлмоуту.

Что касается старшего сына, Уинстона, то он родился 30 ноября 1874 года, его отцом бесспорно был лорд Рэндольф, и сейчас он возвращался в Англию из Южной Африки в надежде успеть на свадьбу матери.

К неполным 26 годам Уинстона уже немало поносило по свету: в качестве военного корреспондента он побывал на Кубе, в качестве лейтенанта гусарского полка успел повоевать в Индии, в качестве сверхштатного офицера уланского полка — в Судане, а вот сейчас возвращался после сенсационного побега из плена, куда он угодил во время бурской войны. Буры с его статусом представителя прессы не посчита-

Уинстон Черчилль (крайний справа) в плену у буров, 1899 г.

лись, объяснив Уинстону, что к ним в плен сыновья лордов попадают не часто, и они предпочитают его задерживать как ценный материал для обмена. Он с их доводами не согласился и умудрился не только удрать из-под стражи — что само по себе было не так уж и трудно, пленных охраняли не строго, — но и забраться тайком в товарный поезд и добраться таким образом до португальской колонии в Анголе.

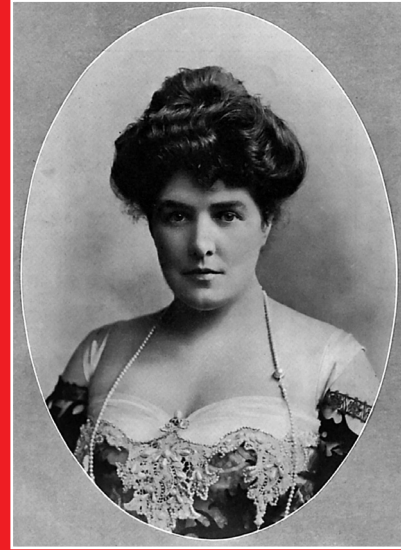
Его побег наделал в Англии шума — война шла неудачно, и романтическая история о храбром и предприимчивом молодом человеке грела сердце публики, что было на руку и самому юному удалцу — он собирался заняться политикой.

Это последнее замечание — «решил заняться политикой» — тоже нуждается в комментариях. Дело тут в том, что лорд Рэндольф лордом был, если можно так выразиться, условным. С одной стороны — ну как еще можно именовать человека, родителями которого были седьмой герцог Мальборо и его супруга, дочь 3-го маркиза Лондондерри? У этой любящей пары было 11 детей, и лорд Рэндольф был их пятым ребенком и третьим по счету сыном. Это последнее обстоятельство — то, что он был третьим из сыновей, — было решающим. Титул и состояние по законам майората наследовал старший сын, его сестер выдавали замуж за достойных их знатного имени супругов, а его братьям надо было делать карьеру самим. Старший оставался хранителем имени, семейного состояния и титула, своего рода живым памятником основателю рода, и не случайно следующие обладатели титула нумеровались.

Джон Черчилль, первый герцог Мальборо, был национальным героем Англии во времена королевы Анны и войн, которые вела Англия

против Людовика XIV. А лорд Рэндольф Черчилль был его потомком в восьмом поколении, но, к сожалению, только в качестве младшего сына седьмого герцога Мальборо.

Для таких младших сыновей знатнейших родов Англии, впрочем, открывались неплохие перспективы в политике, или в юриспруденции, или в военной сфере. Наконец, к последней четверти XIX века появилась и еще одна возможность: жениться на наследнице какого-нибудь американского нувориша, соединив таким образом в одной семье и знатное имя, и приличные деньги. Лорд Рэндольф, кстати, так и сделал. Он женился на Дженни Джером, дочери

Мать Черчилля, леди Черчилль. Снимок сделан в то время, когда она была замужем за Джорджем Корнуэллис-Уэстом (Cornwallis-West). Он был ровесником ее сына, Уинстон Черчилль был всего на 16 дней моложе своего отчима

американского миллионера, и молодые супруги весьма скоро стали родителями — что на месяц отличалось от ожиданий и вызвало потом некоторые толки.

Как бы то ни было, лорд Рэндольф не ограничился браком с богатой наследницей, а занялся и политикой. И, надо сказать, поначалу очень успешно. Будучи младшим сыном пэра, он не имел права на наследование титула, но имел право быть избранным в палату общин, где могли выразить свою волю «простые люди Англии». Конечно, не все эти простые люди были так уж просты, попадались и честолюбивые отпрыски аристократических родов, вроде самого лорда Рэндольфа, и богатые воротилы индустрии, торговли, банковского дела, но хватало и адвокатов, и социальных реформаторов, и деятелей, связанных со всевозможными общественными и церковными организациями.

Некоторые из них и вправду выходили из самых низов, что придавало английской социальной системе большую гибкость — самые талантливые люди из числа тех, кто отважно шел на штурм крепостной стены сословных привилегий, при наличии успеха немедленно принимались в ряды тех, кто на стене уже стоял.

Сделать это, однако, было не так-то легко даже и внуку седьмого герцога Мальборо. Ну для начала ни у Уинстона, ни у его матушки не было никаких серьезных средств. Американский дедушка был натурой увлекающейся и тратил на скаковых лошадей и на балерин столько, что дочери много он уже не оставил. Леди Черчилль сыну серьезно помочь деньгами не могла — во-первых, у нее их

Скажем, попавший в парламент в 1890 году Дэвид Ллойд Джордж — сын учителя, выбившийся в юристы.

Что до лорда Рэндольфа, то ему, конечно, помогали и семейные связи, и громкое имя, так что в парламент он попал легко. И начал двигаться вверх и вверх, пока не занял пост министра финансов. В Англии, тщательно соблюдающей старинные традиции, министр финансов официально назывался не министром финансов, а «Chancellor of the Exchequer», что в принципе можно перевести как «канцлер клетчатой доски». Но функции его, конечно же, к «клетчатой доске» отношения не имеют, а состоят в основном в формулировании государственного бюджета и управлении им.

Все по той же традиции, пост этот уступает по значению только посту премьер-министра.

Дело, в общем, шло к тому, что лорд Рэндольф и сам сможет со временем притязать на роль премьера — но что-то в его жизни сломалось. Он наделал глупостей и долгов, ушел в отставку и вскоре умер. Брак его фактически развалился задолго до его смерти, и все, что от него осталось, был его старший сын, Уинстон, для которого отец был героем и чей путь в политике он собирался повторить.

— II —

было немного, во-вторых, тратила она их широко, в-третьих, чувства ставила выше материальных соображений, что видно и из заключенного ею второго брака — ее новый муж был моложе ее на 20 лет, но средств не имел.

Правда, не имея денег, она имела завидные социальные связи. Викторианское общество на многие вещи смотрело широко, так что леди Чер-

Бленхейм, родовое гнездо семьи Черчилль, старшая ветвь которой носила титул герцогов Мальборо. В этом дворце Уинстон Черчилль родился на свет

чилль считалась особой если и не вполне респектабельной, то и уж никак не парией. А так как она была к тому же очень красива, дружелюбна и обаятельна, то с ней дружили очень многие — даже жена принца Уэльского, с которым у Дженни Черчилль был недолгий роман. В общем, первые газетные заказы на статьи своему сыну устроила именно она.

Пытаться пробиться в журналистику его вынудила нужда. Денег не хватало просто отчаянно: служебное жалованье молодого офицера элитного полка не покрывало и половины того, что ему требовалось тратить для поддержания социального статуса. Решение зарабатывать деньги пером было весьма отважным — формальное образование было у Уинстона Черчилля если не нулевым, то весьма близким к этой печальной отметке.

По заведенным порядкам викторианского общества, юные аристократы должны были учиться в частных школах, где они жили на полном пансионе. Учился Уинстон

отвратительно. В классе из одиннадцати учеников он занимал прочное одиннадцатое место.

Когда его забрали из школы и перевели в другую, он в классе из 21 ученика столь же твердо встал на 21-е место.

Слева: Уинстон Черчилль в возрасте 4 лет, снят вместе с матерью, леди Черчилль.

Справа: Черчилль в возрасте 12 лет, в форме Харроу, школы, в которой он тогда учился. По успехам занимал одно из последних мест в своем классе

Отчаявшийся лорд Рэндольф решил, что ни политика, ни юриспруденция его болвану-сыну не подходят, и предложил ему попробовать военную карьеру. В итоге Уинстон поступил в военное училище, Сэндхерст, в кавалерию — экзамены туда были легче, чем в пехоту. Ну в науках он и там не блистал, но хорошо занимался в классах истории и английского, даже стал, как ни странно, чемпионом училища по фехтованию. Честолюбие у него было бешеное, он всячески старался обратить на себя внимание, и в результате стал весьма непопулярен среди собратьев, гусарских офицеров, которые прозвали его «ловцом медалей». Он, можно сказать, лез на рожон и так норовил показаться на всеобщее обозрение в самом опасном месте, что это вполне можно было посчитать позерством.

В защиту юного гусара следует сказать, что под огнем он никаких героических истерик не устраивал, а напротив, вел себя весьма разумно и хладнокровно. Когда в Судане, в сражении под Омдурманом, он оказался лицом к лицу с полдю-

жиной противников, он не стал полагаться на свои способности фехтовальщика, а попросту вытащил из кобуры револьвер и пустил его в ход. Угодив вместе с остальными в Южной Африке в засаду, остановившую их бронепоезд, он занялся не стрельбой по невидимому противнику, а до последнего старался убрать препятствия с рельсов, чтобы бронепоезд мог попытаться уйти назад. А когда это не получилось, не сдался в плен вместе с остальными, а попытался бежать. Неудачно — его поймали. Но поскольку в итоге молодому корреспонденту Уинстону Черчиллю бежать все же удалось и на волне этого успеха даже приобрести значительную известность, он решил немедленно превратить этот успех во что-то осязаемое и попытаться пройти в парламент.

Он, собственно, уже пробовал это сделать в 1899 году, когда выставил свою кандидатуру на досрочных выборах на освободившееся в парламенте место, но проиграл. Он

Королевская военная школа в Сэндхерсте, которую окончил Черчилль

Уинстон Черчилль в 1900 г.

вернулся на войну, сумел получить лейтенантский чин в Южноафриканском полку легкой кавалерии, в числе первых ворвался в завое-

ванную наконец Преторию — и теперь твердо рассчитывал, что военный опыт улучшит его шансы у избирателей.

Так и вышло. В 1900 году Уинстон Черчилль получил место в парламенте и немедленно отправился в лекционный тур по Англии, США и Канаде.

Во-первых, ему тогда — как, впрочем, и всегда — были очень нужны деньги, а его лекции, как оказалось, собирали много народу.

Во-вторых, у него появилась основная тема для бесед на политические темы — опыт бурской войны.

В отличие от обычных стычек по периметру колониальных границ Британской империи, в этот раз англичанам пришлось воевать с людьми, вооруженными на европейский лад.

Да еще и в условиях ссоры Англии с Германией.

Уинстон Черчилль

Уинстон Черчилль

Конец La Belle Epoque (1895—1914)

«The French called the era from 1895 to 1914 La Belle Epoque. It was an epoch of beautiful clothes and the peak of luxury living for a select few — the very rich and the very privileged through birth».

«Французы называли эру между 1895 и 1914 годами “Прекрасной Эпохой”. Это было время восхительных костюмов и шика роскоши и комфорта для немногих избранных — очень богатых и очень привилегированных просто по праву рождения».

Из энциклопедии

*Словно в зеркале страшной ночи
И беснуется, и не хочет
Узнавать себя человек,
А по набережной легендарной
Приближался — не календарный —
Настоящий двадцатый век.*

А. Ахматова

— I —

Ссора началась вроде бы с пустяка. Ну что, собственно, было такого в том, что император Германии Вильгельм II отправил телеграмму президенту республики Трансвааль? Император поздравил президента «с восстановлением законного порядка» в стране, не слишком заметной на карте Африки, — вот и все.

Рейд в Трансвааль, столь успешно отбитый бурами, вообще-то имел целью захват новооткрытых и весьма перспективных золотых приисков. Он был организован английскими подданными, среди которых были и весьма заметные люди, вроде знаменитого Сесилия Родса — но поддержки правительства не имел. В Англии неудача была встречена вполне равнодушно, и идея «так разбойникам и надо» была выражена в Лондоне даже полуофициально.

Однако телеграмма кайзера не просто поздравляла президента с тем, что с кризисом удалось спра-

виться, а добавляла, что это удалось сделать, «не прибегая к помощи дружественных держав».

Как следовало понимать это неосторожное выражение? Конечно, одна суверенная держава вполне может помочь другой суверенной державе. Однако Трансвааль был не вполне суверенной державой — Англия по договору с ним имела право утверждения его международных договоров, и Германия этого права вроде бы не оспаривала?

Если же оспаривала — то по какому праву? И в какой форме она была бы готова «оказать дружественную помощь» бурской республике?

Все это очень походило на угрозу — а Великобритания в 1896 году не привыкла к тому, чтобы ей угрожали.

Взрыв негодования в Англии был всеобщим. Королева Виктория сделала кайзеру Вильгельму — своему внуку — строгое письменное вну-

шение. Он ответил ей письмом, довольно покаянным.

Тем дело и кончилось, если не считать двух дополнительных обстоятельств.

Во-первых, британское адмиралтейство сочло нужным отправить в Северное море собранную на ско-

рую руку так называемую «летучую» эскадру.

Во-вторых, Германия в том же, 1896-м, году направила в Китай небольшой отряд крейсеров.

Командовал отрядом адмирал флота Германской империи по фамилии Тирпиц.

– II –

Мир на пороге начала нового, двадцатого века имел центр. Центром этим была Европа. К вышеуказанному определению «центром мира была Европа» не следовало даже добавлять особых дополнений, вроде «весьма вероятно», «скорее всего» или даже «бесспорно». Они только ослабляли бы ясный и неоспоримый для современников факт: центр мира — Европа. Все, что было связано с наукой, с технологией, с управлением, с государственными законами, с судом — все это имело один-единственный стандарт — европейский.

Термин «европейский» не обязательно замыкался в границах собственно Европы. Россия, чья территория простиралась от Балтики и до Тихого океана, уже двести лет как входила в европейскую систему, и сама Российская империя была одной из великих европейских держав. Америка, отделенная от Европы Атлантическим океаном, была населена выходцами из Европы и управлялась по принципам, которые они принесли с собой. Театры в Бостоне и в Нью-Йорке показывали свежие постановки, привезенные из Лондона. Старина Джером, дед Уинстона Черчилля, завел у себя в Нью-Йорке, в «Доме Джерома», театр на 600 мест, и пела в нем шведская певица, которая нравилась ему не только своим пением, и стояла, пожалуй, не меньше, чем весь театр.

В тысячах километров не то что от европейских, но даже и от ближайших больших американских городов, в глухом захолустье Скалистых гор, шахтерском городке Эспене, было выстроено здание оперы — и оно не пустовало. Китайские дипломаты носили сшитые в Париже фракы и изыскались по-французски. Мундиры турецких генералов копировались с европейских образцов.

Европа безусловно ощущала себя чем-то единым. Кроны, марки, франки, рубли — все приводилось к единому для всех золотому стандарту. Границы были проницаемы и для торговли, и для путешествий. Человек со средствами мог прокатиться от Норвегии до Сицилии без особых бюрократических проблем.

С другой стороны, континентальная Европа состояла из могущественных и вооруженных государств, военных империй, зорко следивших друг за другом, ибо преимущество, полученное одной из них в одностороннем порядке, немедленно расстраивало весь хрупкий баланс сил, на котором и держалось европейское равновесие.

После разгрома Франции в 1870 году одной из главных забот новообразованной Германской империи было недопущение ситуации, при которой французские вооруженные силы были бы в состоянии померяться силами с германскими.

Но новый разгром Франции поставил бы под угрозу уже безопасность восточной соседки Германии, России — и она твердо решила не допустить этого.

С другой стороны, бесконечные споры России и Австрии за турецкое наследство на Балканах не могли оставить в стороне Германию. Если бы Австрия потерпела поражение, усилившаяся Россия представляла бы угрозу Германии с востока.

Все эти соображения понемногу приводили к созданию «перестраховочных» военных союзов: России с Францией, Германии — с Австрией.

Единственной великой державой Европы, не озабоченной кознями врагов и не ищущей симпатий возможных союзников, была Англия. Внешнеполитическая линия страны называлась — вполне исчерпывающе — «блестящей изоляцией», а внутреннее ее управление было лучшим в Европе.

Уильям Макнил в своей знаменитой книге «The Rise of The West» утверждает, что «качество управления страной напрямую связано с количеством общественных групп и граждан, заинтересованных в участии в управлении». Там, где эти группы, состоящие из торговцев, финансистов, владельцев компаний, представителей сложных, требующих долгого обучения профессий, «богаты, многочисленны и уверены в себе и в своем праве», там и достигаются наилучшие результаты. Наилучшие результаты на пороге двадцатого века достигались в Англии.

В качестве своего рода «моментального снимка» Англии той поры можно привести книжку Дж. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки». В ней повествуется о трех молодых

балбесах, решивших взять себе короткий отпуск и прокатиться на лодке вверх по Темзе. Один из них «спит в банке, когда притворяется, что он там работает»; что делают остальные его приятели, из книжки не ясно. Тем не менее описание их похода оставляет впечатление, что и скромный уровень доходов этих молодых людей был достаточен для наличия у них пледов и носовых платков, осознания необходимости в зубных щетках, возможности остановиться при случае в недорогих гостиницах — и полной готовности следовать следующему рецепту для поддержания здорового образа жизни:

«Один фунтовый бифштекс мяса и одна пинта горького пива — каждые 6 часов, одна 10-мильная прогулка — ежедневно по утрам, одна кровать ровно в 11 часов вечера. И не забивать себе голову вещами, в которых ничего не понимаешь».

Короче говоря, на Раскольникова эти молодые люди ходили очень мало.

Англия в конце девятнадцатого века жила в полном согласии с собой — и в дружелюбном безразличии к окружающему ее миру.

Единственный иностранец, появляющийся в книжке Джерома, — комичный германский профессор Шлоссен-Бошен, исполняющий «меланхоличную германскую балладу, выслушав которую германский император расплакался, и его пришлось увести, чтобы он успокоился». Книжка Джерома вышла в свет в 1889 году, так что, по всей видимости, имелся в виду император Вильгельм I, дед Вильгельма II.

Качества его внука, к сожалению, любовью к искусству не исчерпались.

Если рассматривать Вильгельма II как частное лицо, то, пожалуй, главной чертой его характера было желание угодить. Для зрелого мужчины, подходившего к 40, номинально — суверенного повелителя могущественной военной империи — это было, пожалуй, странно. Конечно, при некоторой снисходительности, полагающейся при суждении об августейших особах, это могло бы рассматриваться даже как похвальное честолюбие — но проблема была в том, что он никак не мог определиться с тем, кому же он в конце концов хотел понравиться. Скажем, знаменитая телеграмма президенту Крюгеру вызвала явное раздражение его английских родственников — включая бабушку, королеву Викторию, которую он искренне почитал. И то, что английская родня считала его «неотесанным тевтоном», ему было явно неприятно.

Но, с другой стороны, германское общественное мнение твердо стояло на стороне буров и обвиняло своего кайзера как раз в недостаточно сильной реакции, ставя ему в вину именно то, что он полуангличанин. И он начинал оправдываться и в разговоре со своим канцлером говорил: «Надо же что-то сделать, чтобы ограничить невыносимую наглость англичан». Правильной мерой такого ограничения он считал объявление Трансвааля протекторатом Германии, а на замечание, что это поведет к войне с Англией, браво отвечал: «Да, но это будет наземная война»; и в конце концов имперский государственный секретарь по иностранным делам Адольф Маршал фон Биберштейн согласился на посылку телеграммы, полагая, что это — наименьшее зло.

Трения вокруг Трансвааля, однако, и не думали утихать. Бурам, надо

Вильгельм II

сказать, горячо сочувствовали — и не только в Германии, но и в России, и во Франции. История бурской войны даже попала в российскую литературную традицию — три или четыре поколения подростков в России зачитывались переводом романа Луи Буссенара «Капитан Сорвиголова», в котором беззаветно храбрый и несметно богатый юный французский миллионер со своими друзьями героически бьется с англичанами за свободу Трансвааля, делая это почему-то верхом на велосипеде. Романтические красавицы были в этой истории совершенно излишни. Поскольку героям (и их аудитории) было предположительно 15 или 16 лет. А вооружены храбрые французские подростки были скорострельными немецкими винтовками «маузер». В той каше вздора, который представляла собой книга, эта деталь была едва ли не единственным элементом, совпадающим с реальностью.

Будь Германия такой, какой она была в момент своего образования в 1870 году, дело ее конфронтации с Англией вряд ли пошло бы дальше литературных упражнений в духе Буссенара. Другие европейские страны находились в таком же положении. Франция, например, не только Трансвааль, но и вообще все английские колониальные предприятия весьма и весьма не одобряла — но она и помыслить не могла о том, чтобы выразить это свое недовольство в каких-то практических мерах.

Однако всего за одно поколение положение изменилось. Германия росла как на дрожжах. К началу нового века одним из самых ясных показателей развития страны служил размер добычи угля. На угле двигались корабли и паровозы, на угле работали паровые двигатели фабрик и шахт. И всего за 30 лет Германия, отставая от Англии в 1870 году втрое, добилась с ней в этом практически полного равенства, а по выплавке стали даже и обогнала.

Это имело самые непосредственные практические последствия. Скажем, Англия еще при Дизраэли отказалась от идеи самообеспечения продовольствием, и так называемые «хлебные законы» были отменены в пользу «свободной торговли». Мера эта была разорительна для крупных землевладельцев, но выгодна индустриалистам, потому что обеспечила жителей растущих промышленных городов дешевой едой. Теперь, с развитием промышленности, такие же процессы шли и в Германии — теперь ей надо было продавать свою промышленную продукцию для того, чтобы прикупить продовольствие. Такого рода обмен осуществлялся, например, с Россией — но и от морской

торговли Германия стала зависеть весьма ощутимо.

Когда после столь неудачной формулировки телеграммы Крюгеру у германских берегов появилась английская эскадра, это оказало самое серьезное влияние на общий ход мыслей в Берлине. Намек был, что называется, предельно ясен — германские торговые суда ходили по морю только потому, что англичане им это разрешали. Взгляд на «глубоко родственную» Англию в Германии в результате сильно изменился.

Но и в Лондоне взгляд на Германию начал меняться. Скромные и слегка деревенские «родственники нашей королевы Виктории» стали выглядеть как соперники и конкуренты, и тот факт, что в разразившейся вскоре бурской войне буры воевали оружием, закупленным в Германии, выглядел уже отнюдь не забавным.

Обе стороны сделали из происшедшего недоразумения свои далеко идущие выводы. В Англии в 1900-м на волне вспыхнувшего патриотизма прошли так называемые выборы «хаки» — названные так по цвету новой защитной формы британской армии, оказавшейся необходимой в период бурской войны.

Они привели в парламент новое поколение политиков, куда более озабоченных обороной страны, чем их предшественники.

Одним из них оказался 26-летний Уинстон Черчилль.

А в Германии было принято решение сделать англичанам ответный намек. Было решено построить серьезный линейный флот. Осуществление этого проекта было возложено на адмирала Тирпица.

Вряд ли Черчиллю в 1900 году приходило в голову, что когда-нибудь они померяются силой.

Вообще говоря, решение Германии о приобретении морской мощи было вовсе не очевидным. Старые прусские короли, случись им обзавестись военным кораблем, немедленно продали бы его с целью получить деньги на вооружение еще одного батальона. Пруссия была небольшим государством, все могущество которого проистекало из наличия сильной армии — и в нее вкладывалось все, что имелось.

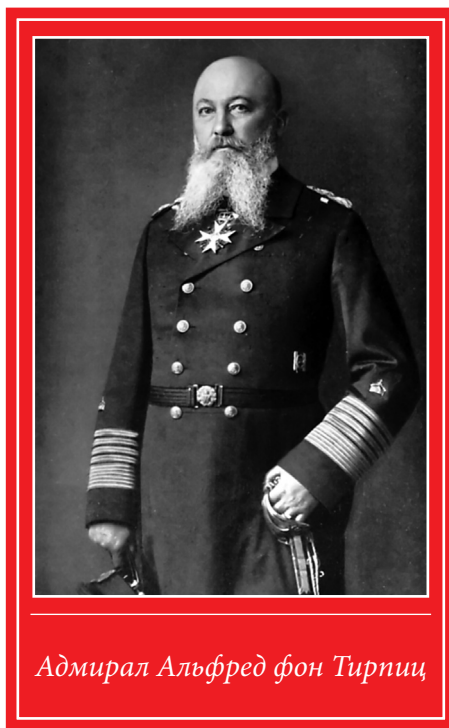
Однако теперь, после афронта с Трансваалем, кайзер вознамерился обзавестись крейсерским флотом, который при случае мог бы послужить интересам его империи и на морях.

Это намерение было оставлено после содержательного разговора с адмиралом Тирпицем. Тот обратил внимание своего государя на то обстоятельство, что без глобальной сети баз — то есть без возможности пополнять запасы угля и боеприпасов вне Германии — крейсера через весьма небольшое время утратят всякую силу.

На довод суверена *«но ведь Нельсон всегда требовал больше и больше фрегатов, а не линейный флот»* адмирал резонно ответил: *«Не требовал, потому что имел»*.

В общем, уговорить обладающего пламенным воображением Вильгельма II оказалось нетрудно. Тирпиц в 1897 году был назначен министром флота.

Проблема, однако, была в том, что сам по себе император ничего не решал. Германский рейх — такой, каким он существовал — был создан гением одного человека, Отто Бисмарка, и создан он им был «под себя». Первый канцлер империи обладал огромной властью, и она перешла и к его политическим наследни-

кам. Кайзера Вильгельма I Бисмарк иногда использовал — примерно как таран — против своих оппонентов, но самостоятельной роли ему не оставлял. Однако даже Бисмарк не мог бы управлять Германской империей самодержавно и безраздельно: она была создана не завоеванием, а объединением многих составных частей, включая независимые королевства, вроде Баварии. Для того чтобы здание было прочным, оно должно было иметь широкий фундамент — и таким фундаментом стал рейхстаг. В нем были представлены промышленники Рура, католики юга, элиты Вюртемберга и Саксонии и даже социал-демократы — рабочее законодательство новой Германии было весьма передовым.

Все, связанное с деньгами, обсуждалось в рейхстаге — и отнюдь не формально. А флот должен был стоить внушительных денег.

Наконец, в новообразованной Германской империи немалую и весьма независимую роль играло учреждение, унаследованное от старой Пруссии, — Генеральный штаб.

Военные вовсе не горели желанием разделять денежные фонды, государственные приоритеты, ка-

рьерные возможности продвижения и многое, многое другое — с новым родом войск, польза которого в их глазах была весьма сомнительной.

Так что первой битвой адмирала Тирпица стало сражение за сердца его соотечественников.

– VI –

Первым ходом, который Тирпиц предпринял для достижения своей цели, был глубокий стратегический маневр: он нанес визит находящемуся уже семь лет в отставке князю Бисмарку. Он надеялся быть принятым. Тирпиц был первым министром императорского правительства, который решился посетить бывшего канцлера, расставшегося с новым императором не в лучших отношениях. Официальной целью визита было приглашение великому человеку посетить Киль, где должен будет быть спущен на воду новый военный корабль, названный его именем. Но, конечно, на самом деле Тирпиц просто хотел бы заручиться поддержкой Бисмарка — несмотря на отставку, он сохранял немалое влияние, особенно в прессе. Князь принял посетителя неласково. Он был слишком стар и слишком умен, чтобы быть восприимчивым к лести — так что трюк с «новым кораблем» пропал даром.

Однако то, что он услышал, в конце концов показалось ему интересным, и он — неслыханная милость — пригласил своего гостя сопровождать его в прогулке по парку. В открытом экипаже, куда князь пригласил министра флота, они и побеседовали. Беседу вел Бисмарк. Он изругал последними словами и Каприви, своего непосредственного преемника, и Гогенлоэ, теперешнего канцлера, да и самого кайзера, на долю кото-

рого достались наиболее отборные ругательства.

Тот факт, что объектом столь нелицеприятной критики был его суверен, император Германской империи, а человеком, которому надо было все это выслушивать, был министр императора и его ближайший сотрудник, князь Бисмарка отнюдь не смутило. Однако разговор с Тирпицем он вел на английском — кучеру знать все это было совершенно ни к чему. Бисмарк на прогулку захватил с собой две большие бутылки пива и концу ее выпил обе, гостя своего не угостив. Однако тот не был разочарован — ни столь откровенной беседой, ни угощением или его отсутствием.

Князь согласился «поддержать умеренную программу строительства военно-морского флота». На церемонию спуска на воду корабля своего имени он поехать не захотел, но главное было сделано. Пресса Бисмарка отреагировала на новую программу флота именно так, как ей было указано — умеренной поддержкой.

Дипломатическое наступление в пользу строительства флота было продолжено. Тирпиц повидался и с королем Саксонии, и с принцем-регентом Баварии, и с муниципальными советами ганзейских городов. Наиболее серьезную работу пришлось проводить с военными и с влиятельными людьми из

торгово-промышленных кругов. Им была предложена на рассмотрение обдуманная стратегическая концепция, в которой доказывалось, что «гельголандская» сделка с Англией при Каприви, в 1890 году, по которой Германия уступила свои возможные права на Занзибар в обмен на маленький остров Гельголанд у собственного побережья, была вызвана горькой необходимостью — Германия просто не смогла бы защищать свои занзибарские владения, у нее не было флота. Но сейчас, в 1897 году, положение изменилось, заморская

торговля Германии растет, у нее есть и колониальные интересы — и они должны быть надежно защищены. Не следует строить себе иллюзий — Англия вовсе не обязательно будет дружественно нейтральна, и следует иметь некие материальные основания для того, чтобы «посоветовать ей соблюдать свой нейтралитет и дальше».

Наконец, вся предварительная подготовка была завершена. Тирпиц обратился к рейхстагу за тем, что стало теперь наиболее существенным, — за деньгами.

– VII –

В прохождении через рейхстаг так называемого «Первого военно-морского закона» можно было не сомневаться — слушанья были замечательно подготовлены. При всем неуклонном следовании закону, дававшему рейхстагу полные финансовые полномочия, при дворе и в армии к германскому парламенту было принято относиться свысока — по мнению кайзера, штафирки и адвокаты и не заслуживали другого отношения. Тирпиц, однако, изменил традиционный подход — все, что было связано с законопроектом, было заблаговременно доведено до сведения и депутатов, и лидеров партийных фракций.

Специально учрежденное бюро в министерстве флота самым подробным и вежливым образом отвечало на все задаваемые депутатами вопросы.

Да, «интересы Германии за морями не защищены должным образом».

Да, «оборона берегов Германии — и на Балтике, и на Северном море — совершенно недостаточна».

Нет, «Германия не собирается ни с кем состязаться в морских воо-

ружениях». Просто у Франции — 26 бронированных кораблей водоизмещением больше 5000 тонн, у России — 18, а у Германии — всего 12.

И уж конечно «Германия не думает об английском флоте», в котором таких кораблей — 62.

Поэтому запрос Тирпица о семилетней программе строительства флота в составе двух боевых эскадр «следует признать вполне умеренным».

Запрос, однако, не был умеренным. Две эскадры, вместе с флагманом и двумя резервными броненосцами, составляли бы в общей сложности 19 боевых кораблей, все новой постройки.

Далее, программа строительства предусматривала ассигнования на семь лет вперед, выключая рейхстаг из обычного годового цикла финансирования программы. Министерство флота брало на себя все бремя решений, связанных с типом кораблей, темпами постройки и прочими сторонами проекта — рейхстаг уже наперед со всем этим соглашался и тем отнимал у депутатов будущих созывов право на вмешательство.

Именно это последнее обстоятельство, а не сама программа, вызвало в рейхстаге наиболее бурные споры. Однако в конечном счете закон о флоте 1898 года был утвержден, и сделано это было значительным большинством.

Что было еще более важно, закон встретил огромное общественное одобрение. Возникший союз поддержки флота вырос с начальных 78 тысяч до более чем миллиона человек за какие-нибудь два года. Страна была полна энтузиазма, начали издаваться журналы, посвященные морской тематике, — при поддержке паровозных, кораблестроительных и сталелитейных компаний.

А в 1900 году, на волне негодования против Англии с ее «несправед-

ливой и жестокой бурской войной», сразу после инцидента с задержанием германских почтовых судов, заподозренных в провозе оружия и контрабанды, в рейхстаг был внесен Второй военно-морской закон. Немецкие суда после обыска были англичанами отпущены с принесением извинений — но закон прошел все равно. Он удваивал запланированные морские вооружения с двух боевых эскадр до четырех.

Более того, в преамбуле уже не говорилось о «защите родных берегов». Там говорилось о том, что «в случае необходимости флот должен быть готов вступить в бой даже против величайшей морской державы».

Это был намек — и в Англии его поняли должным образом.

– VIII –

К началу двадцатого века примерно половина торговых судов мира ходила под английским флагом. Английские товары продавались по всему свету, и само определение «английский» служило синонимом высокого качества. Англия имела самый высокий процент городского населения в мире: 54 % ее населения жили и работали в городах, производя эти товары. В обмен покупались многие вещи, в частности — сырье для промышленности и продовольствие, две трети потребления которого покрывались поставками из-за рубежа.

Превосходство Великобритании в отношении прочих европейских держав рассматривалось в самой Великобритании как данность, не требующая доказательств. Английский военный флот — по формуле, освященной временем, «превосходил два следующих европейских флота, вместе взятых».

Колониальные войны выигрывались без особых усилий. Чуть ли не главным предметом в кавалерийском училище Уинстона Черчилля было обучение будущих офицеров тонкостям игры в конное поло — они обязаны были хорошо понимать в выездке лошадей.

Разумеется, время от времени в колониях случались трения и с европейцами, например с французами в Фашоде, но их всегда можно было уладить, полагаясь на флот и на незываемое преимущество в технологии и финансах.

Грянувшая в 1899 году бурская война, однако, поколебала очень многие представления о британской мощи. Оказалось, что в войне против противника, располагающего европейским оружием и выучкой, английские полки могут продемонстрировать храбрость и верность долгу, но не умение. Ввиду нехватки качества войск победу пришлось